

К Р О К О Д И Л

К 556/43г

Рис. Ю. Ганфа.

КАРТЫ НЕ ВРУТ

— Как ни кладут карты, а всё выходит: большие хлопоты, сердечный удар и обратная дорога.

В последний час!

Как и раньше, снова, снова
Наши армии ведёт
Замечательное слово,
Слово гордое:
— Вперёд!

Вперёд!

Любой порою
За стяг, красной зари,
Вперёд идут герои,
Идут богатыри.

Стране родной в отраду
Идём, ломая гнёт,
Удар под Сталинградом
Века переживёт!

На запад гоним, гоним
Фашистские полки,

На запад рвутся кони,
Занесены клинки!

В могилы фрицев гоним,
Пусть спнут, пропадут!
В снегах их похороним —
Живыми не уйдут!

В ратном поле, в нашей доле
Да живёт обычай:
Мстить за угнанных в неволю,
За полон девицый!

За родное, за святое,
За своё заветное,
Мстить за солнце золотое
И за землю светлую!

Силу пневною растить
И мстить!
И мстить!

Дай им рубку-мясорубку
На просторе полевом,
Увеличивай зарубки
На прикладе боевом!

Бей по венграм, по мадьярам,
Бей по стае волчьей,
Бей яро по боярам,
По румынской сволочи!

Загоняй патрон в патронник,
Чтобы сгинул макаронник!
Мы им всем свинца с избытком
Вгоним!

Страхом выбелим!
Итальянский пёс Бенитка
Взвыл вблизи от пибели!
Дрожь паршивого колотит,

И с испугу через край
Шавки все из подворотен
Открывают дикий лай.

Пусть их лают, пусть их воют,
Пусть сойдёт зверьё с ума,
Гитлеру могила роют
Целый мир, земля сама!

Александр ПРОКОФЬЕВ

Ленинград.

НЕПОСЕДЫ

Рис. В. Горяева

— Фюрер приказал вам отсидеться до весны!
— Невозможно!.. Не сидится!

Рассказы о войне

Плохая земля

НОЧЬЮ пошли в разведку. Я впереди, два бойца сзади. Идём в своих белых балахонах. Впереди — поле, снег.

А ночь, конечно, морозная. Холодно. Звёзды сияют. Тихо.

Вдруг впереди нас что-то мелькнуло. Видим, фигура. Видим, немец.

Легли в снег. Ждём.

Видим, немец остановился. Стоит. Смотрит вокруг себя.

Потом снова идёт. Идёт медленно, заложив руки за спину.

Думаем: идёт в плен сдаваться. Иначе, зачем ему тут ходить? И ещё в такой позе? Велю бойцам деликатно его взять.

Взяли его бойцы. Видим, нет, не хочет сдаваться. Борется. И даже оказывает отчаянное сопротивление, то есть кусается.

Пришлось, конечно, я извиняюсь, немножко его ранить, чтоб он вёл себя скромней, проще.

Приводим в штаб. В штабе спрашивают: куда шёл, зачем, какие имел задания, цели? Молчит.

Обыскали. Нашли в бумажнике документ. Дескать, такой-то является владельцем трёх десятин земли. И, видим, в бумаге указаны именно те места, где расположены наши и немецкие траншеи и где поле, по которому шёл этот немец.

Конечно, в штабе хохот поднялся, смех.

— Что ж вы, — говорят, — такие неудобные земли выбираете себе для своих владений?

Молчит. Не хочет отвечать.

Командир полка говорит:

— Значит, выходит, что вы просто шли и своим хозяйским оком осматривали своё поместье?

Не отвечает. После попросил папироску. Закурил.

Говорит:

— У нас многие, которые отличились, получили земли среди восточных пространств.

В штабе снова хохот поднялся. Смех. Шутки.

Под общий смех и веселье спрашивают немца:

— Ну, хоть понравилось ли вам ваше имение?

Немец говорит:

— Нет. Не понравилось.

(Рассказал старший сержант Н. Лучинский)

Федот, да не тот

ЛЕТОМ сего года немцы заняли город С. Многие жители ушли. А некоторые из нас остались.

Сначала мы собирались у товарища Ф., а потом перенесли место явки в лес.

Командант этого города — немецкий майор, некто Пельц, — с первых же дней войны проявил себя как отъявленный злодей: многих жителей он расстрелял, иных повесил, а многих порол и сажал в тюрьму.

А тогда мы вынесли ему приговор — убрать его с нашего пути.

Стали за ним следить. И, когда однажды он вечером шёл по улице, мы втолкнули его в подъезд и там ликвидировали.

Взяли у него бумаги. По бумагам видим — не тот: не майор, а полковник, и не Пельц, а ещё как-то по-ихнему.

Один из нас, некто Алексей, лично видел коменданта. Он говорит:

— Странно. Очень похож: белобрысый, светлые глаза. Только против майора этот как будто полней и брюхастей.

— Что за народ, эти русские! Хотели мы войти в Сталинград, — не пускали, теперь хотим выйти — опять не пускают.

Стали мы снова караулить майора. Видим, идёт по переулку.

Спрашиваем Алексея:

— Этот?

Алексей говорит:

— На этот раз не ошиблись: майор.

Мы закололи майора кинжалом. А на другой день узнаём из приказа, что снова подкололи не того: подкололи сельскохозяйственного офицера, обер-лейтенанта по фамилии Нагель.

Алексей говорит:

— Я не физиономист. Пусть вам кто-нибудь другой указывает. Они мне все на одну морду.

Хотели мы лично увидеть коменданта. Пытались пройти в комендатуру, но нам не удалось.

Тогда достали фотокарточку майора. Его портрет. Стали ходить с портретом.

Короче говоря: убрали ещё одного. Но и тот был не этот.

Четвёртого спрашиваем:

— Вы фон Пельц?

Тот говорит:

— Фон Пельц умер в больнице от брюшного тифа вскоре после вступления его в должность коменданта.

— Тогда, — говорим, — понятно, почему мы ошибались.

(Рассказал партизан тов. В.)

Шакал и пёс

Басня

Шакал однажды на разбой цепного пса подговорил с собой, прельстив его огромною добычей.
— В молниеносный срок, — рычал шакал, — ты знаешь мой обычай — на целый век ты запасёшься впрок... Наобещав за помощь золотые горы, шакал, ходивший вожакком, пустил в разбой свои шакальи своры; за ним пустился пёс, добычею влеком. Шакал немедля для начала всю пищу у дружка перетаскал.
— Чтоб лишнее в пути тебя не отягчало! — так объяснил шакал. А пёсших свор он пребудет помногу себе в подмогу. Скрипит он, как намазанная ось: — Ещё подкинь! Ещё, ещё подбрось!.. Тощает пёс и свору шлёт за сворой; побитые каналы на Дону идут пуртом ко дну, победы ж не видать и скорой и нескорой. Седьмую шкуру пёс несёт в побор, свои же рёбра перещував. Но вместо золотых хваленых гор взирает он на горы пёсших трупов.

Мораль к сей басенке, читатель, сам прибавь: взамен шакала Гитлера подставь, а вместо пса подставишь, басенки не портя, как хочешь: Антонеску или Хорти!

В. ГРАНОВ

Д О Н

КАВАЛЕРИ

ГОРОД Берлин. Какая-то улица. На углу стоит аптека.

— Сюда заходит немец ниже средней упитанности и, обращаясь к аптекарю, говорит:

— Дайте мне, пожалуйста, один порошок пираи.

Аптекарь ничего не понял и поэтому переспросил:

— Чего вам?

— Пирами.

— Таких порошков не бывает. Вы, вероятно, ошиблись.

— Нет, господин аптекарь, это вы, простите, ошибаетесь. Такие порошки бывают. Врачи очень рекомендуют принимать их от головной боли.

— Пирамидон?

Как только это слово слетело с уст аптекаря, посетитель ещё более похудел, зашатался и грохнулся на пол. Прошло самое меньшее минут десять, прежде чем насмерть перепуганный аптекарь привёл его в чувство.

— Что с вами, уважаемый? — спросил его аптекарь.

— Со мной? Со мной — ничего. Но вот лучше скажите, что с вами. У вас есть жена, дети, господин аптекарь?

— Есть.

— И после всего этого вы, рискуя жизнью, произносите такие слова? Изверг!

— А что я такое сказал?

— Здесь посторонних нет?

— Никого.

— Вы сказали: пирами...

— ...дон.

— Ой, опять! Это же — сейчас самое страшное слово в Германии. Понимаете ли вы, что такое Дон? А вы...

Посетитель не успел досказать. Аптекарь побледнел, зашатался и, не теряя времени, грохнулся на пол. Когда он пришёл в чувство, он жалобно пролепетал:

— Вы не донесёте на меня? Я же совер-

шенно забыл. Я немедленно переищу все пакетики с этим порошком. Пирами — и всё.

— Скорее! Не теряйте ни минуты. Ваша жизнь в опасности. Я библиотекарь. Вчера с вечера я у себя в библиотеке уже проделал такую работу. Больше у Сервантеса не будет «Дон Кихота». Есть просто «Кихот». Чтоб Доном и не пахло. И нет философа Прудона. Есть Пру — и хватит.

— Доннерветтер! — выругался аптекарь, но тут же быстро поправился: — Нерветтер! Нерветтер!

— Правильно! — одобрил посетитель. — Правильно! Надо сейчас следить за своей речью. Наднях, говорят, здорово попало этому французу Лавалю. В разговоре с фюрером он, каналья, проболтался и сказал: «Пардон». Фюрер чуть не съездил ему по морде за такое нахальство. Сейчас Лаваль уже понял и поэтому говорит только: «Пар», «Пар», «Пар»... Вот какие дела. Вы, господин аптекарь, проверили свои лекарства? Нет ли ещё чего-нибудь подозрительного? Может, у вас ещё окажется какой-нибудь порошок или микстура с окончанием «Великие Луки»?

— Кажется, нет.

— А что это у вас там на шкафчике?

— Вот это? Ничего особенного. Маленький бронзовый купидон.

— Что?! Как это ничего особенного?!

— Виноват. Маленький бронзовый купидон.

— То-то! Надо следить за собой.

Но тут раздался звон стальных часов. Посетитель прислушался и вдруг опять настолько побледнел, что был всецело готов к повторному обмороку.

— У вас в аптеке страшно оставаться, — пробормотал он, нервно мигая глазами. — Вы обратили внимание, как бьют ваши часы? Дин-дин-дон-дон... Нет, я лучше уйду отсюда!

И он стремглав выбежал из аптеки.

Г. РЫКЛИН

Рис. Л. Бродаты

— Лошадки поданы, господин п...

АНГЛИЙСКИЙ ЮМОР

ВОЗВРАЩЕНИЕ

— Я не вернусь в Германию, пока не уничтожу русскую армию, — сказал недавно Гитлер.

Многие из его генералов уже не вернулись. (Журнал «Панч»)

ОПТИМИСТЫ И ПЕССИМИСТЫ

— Мы выйдем из войны, — говорят в Италии оптимисты.

Пессимисты спрашивают:

— Да, но когда?

(Журнал «Ридерс дайджест»)

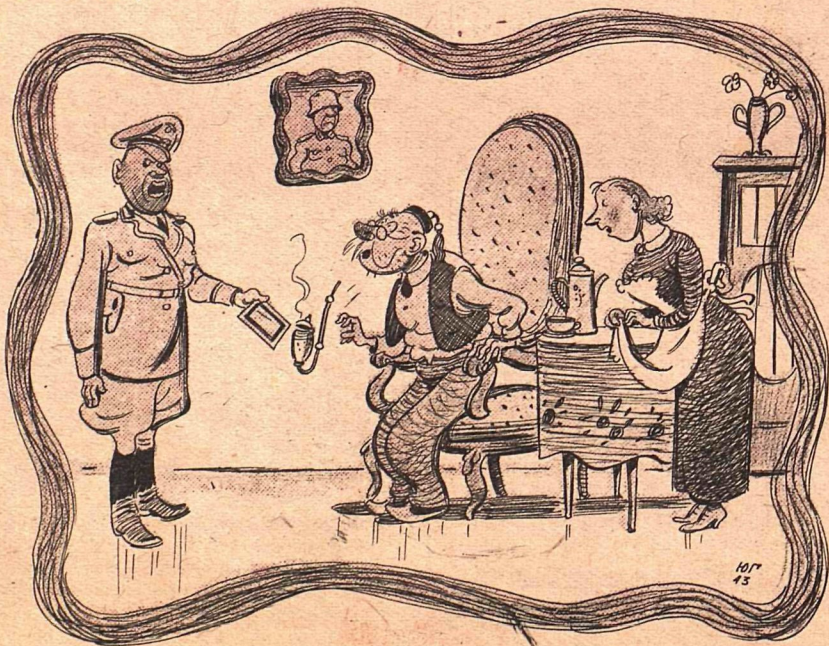
КТО ДУМАЕТ ПЕРВЫЙ

Один психолог сказал, что Гитлер и Муссолини думают, должно быть, одинаково, но Гитлер думает первый.

(Журнал «Панч»)

ВСЁ В ПОРЯДКЕ

Рис. Ю. Ганфа

— Согласно заранее продуманному и предусмотренному самим фюрером плану ваш сын убит в районе Великих Лук в январе сорок третьего года

МЕТКИМ

(По столбцам красн...

ЗАБОТА О ПОДЧИНЕННЫХ

— Фельдфебель, чьи это чемоданы?
— Господина обер-лейтенанта, ваше превосходительство.
— Отнесите их в мой автомобиль и скажите обер-лейтенанту, что такие промоздкие чемоданы только затрудняют германского офицера при отступлении.

(«Патриот родины»)

ПОДБОДРИЛ (В немецких окопах)

Чья близкую зиму, солдаты из пополнения приуныли. Фельдфебель Минзер, слышавший хорошим оратором, получил задание подбодрить новичков.

— Ну, что носы повесили, птенцы? — начал оратор. — Зима идёт, радоваться нужно. Посудите сами, как будет прекрасно зимой. Пыли не будет, в болото больше не провалитесь, от дождя не промокнете, в грязи не завяжете, и комары, жестокие комары, которые так жадно пили вашу арийскую кровь, сдохнут.

— А разве комары замёрзнут? — спросил молодой солдат.

— Ого-го! Здесь, братец мой, такая зима, что не только комар, но и верблюд околует.

— И верблюд?

— Как миленький. Здесь, братец мой, такие морозы, что сквозь дамский чулок схватит за нос — и нет носа. Отморозит.

Гроза

...я помогла

БОЛЬШЕ всего на свете немцы любят усмирять девятистолетних стариков и столетних старух.

Но если карательному отряду не приглянутся пушки и танкетки, а усмирять предстоит не колхозников, а прогретый по району партизанский отряд, — тогда каратели перед экспедицией начинают сочинять завещания. Дескать, велосипед, организованный в Греции, завещаю братцу Гансику, французские часы — сестрице Брунгильдочке, а польские ботинки — дядюшке Карлу фон Гниде.

И вот один обер-лейтенант сочинил подобное завещание, тянул, сколько душа приняла, водки и повёл своих голопузых на поиски отряда партизана Грозы. Этот партизан вытворил в тылу у немцев, как говорится, всё, что хотел, и ещё немножко. Например одного немецкого полковника партизаны выволокли из бани в голом виде, завернули в рогожку и в таком виде доставили в штаб нашего подразделения.

Ну, идет, значит, обер-лейтенант карать Грозу и дорогой читает своим лобопрясам целую лекцию.

— Вы, — говорит, — имейте в виду, что это не простой партизан, недаром его зовут «Гроза», что в переводе на немецкий язык значит «Доннерветтер». Этот Гроза — бывший цирковой борец в тяжёлом весе. У него грудная клетка такая, что хоть пира в неё сажай! И все партизаны у него в отряде — силачи, циркачи и великаны...

Каратели застучали зубами, и за каждой берёзой им начали чудиться боксёры, пианики и другие мастера спорта. Обер-лейтенант и на самого себя нагнал страху своим рассказом и по этому поводу решил дополнительно выпить.

Но он не успел даже достать свою флягу, в которой у него хранился боевой дух: сзади ударили автоматом, впереди залопотал пулемёт,

а с боков вслед за гранатами выскочили партизаны. Они устрелили карателей такое угощение, что из них мало кто и цел остался...

Лейтенант уцелел. Вернее, его оставили для непридуманной беседы по поводу некоторых немецких военных тайн...

У него сначала колени тряслись. Но потом он видит, что его не расстреливают, и начинает хорохориться и даже говорить комплименты:

— Ваш отряд есть очень сильный отряд! Иначе вы бы нас никак не разгромили. Мне очень интересно теперь взглянуть на господина Грозу, который сумел победить такого опытного воина, каким являюсь я.

Тогда из-за других людей выходит довольно миниатюрная и худощавая женщина с автоматом и строго говорит:

— Я Гроза. Что вам от меня надо?

— Вы и есть господин Гроза, а по-немецки — Доннерветтер?

— Не знаю, как там по-немецки, — отвечает партизанка, — а вот по-русски мы вас здорово раздолбали!

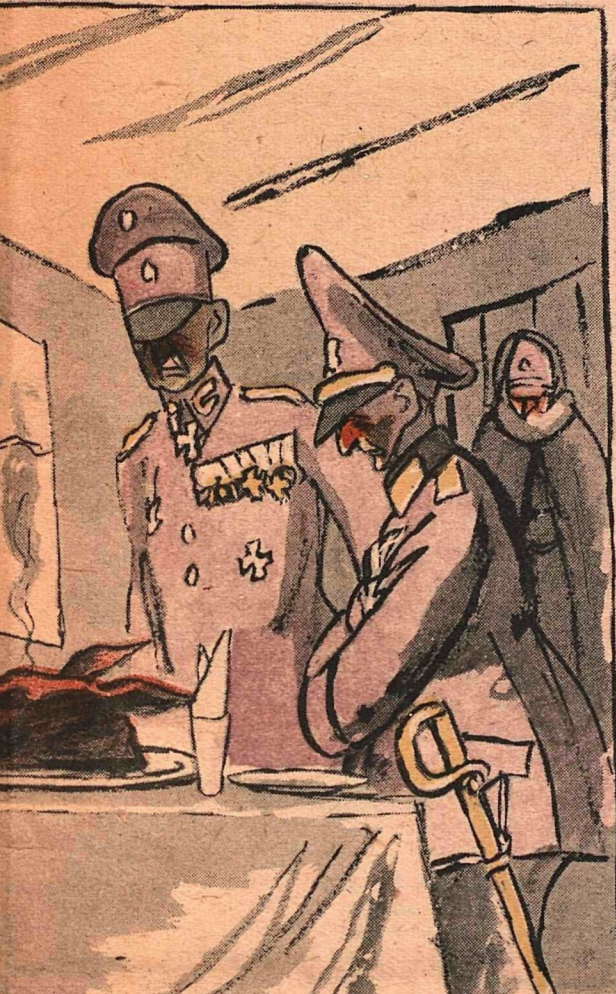
— Но ведь вы женщина, слабый пол! Вы не должны воевать, вы должны воспитывать детей!

— Я и воспитывала детей. Я сорок детей сразу воспитывала в детском саду! Они на полянке играли. А ваш лётчик с пулемётами пролетел над ними бреющим полётом... В общем, ребята, уведите от греха этого прощальгу скорее в штаб, а то у меня на ремне автомат сам начинает шевелиться.

И увела. А отряд партизанки Грозы снова пошёл пересчитывать немецкие штабы и склады.

Алексей РЕЗАПКИН

Действующая армия.

...олковник! Пожалуйте к столу!

Анекдоты, рассказанные пленными немцами

Герман Геринг гулял вместе со своей женой в лесу. Они встретили лесника, который собирался застрелить свою собаку. Тогда Геринг спрашивает:

— Почему вы хотите застрелить собаку!

— Да ведь она, уважаемый, бешеная.

— Почему вы так думаете!

— У ней раздутое пузо.

— Герман, Герман! Пойдём, иначе он ещё и тебя застрелит.

Маленькая Берта гуляла с мамой по улице. Навстречу идёт человек с чёрными руками. Берта говорит:

— Мама, это трубочист!

— Нет, — отвечает мать, — это мельник образца 1942 года.

* * *

В Германии говорят так: «У нас будет что кушать, когда Геринг сумеет надеть штаны Гейбельса».

Записал М. СОКОЛОВ

Западный фронт.

ударом

(поармейской печати)

— А за ноги хватает?

— В один момент. Схватит за ноги, и хирург — чик, ампутирует.

— А бывало, чтобы весь замёрз?

— Сколько угодно! У нас, братец мой, в прошлом году замёрз целый батальон.

Слушатели извлекли бумажки и начали что-то писать.

— Что вы делаете? — спросил оратор.

— Пишем завещание, господин фельдфебель.

(«Красноармейская звезда»)

ПЕРЕХВАЧЕННЫЙ РАДИОРАЗГОВОР

Гитлер: — Слушайте, вы... (неразборчиво) приказываю вам... (неразборчиво) прекратить отступление и задержать противника.

Роммель: — Не беспокойтесь, фюрер. Я скоро зайду к ним в тыл.

Гитлер: — Ага, хорошо, а каким образом?

Роммель: — Обегу вокруг Африки...

(«Красный амурец»)

РАДИКАЛЬНОЕ СРЕДСТВО

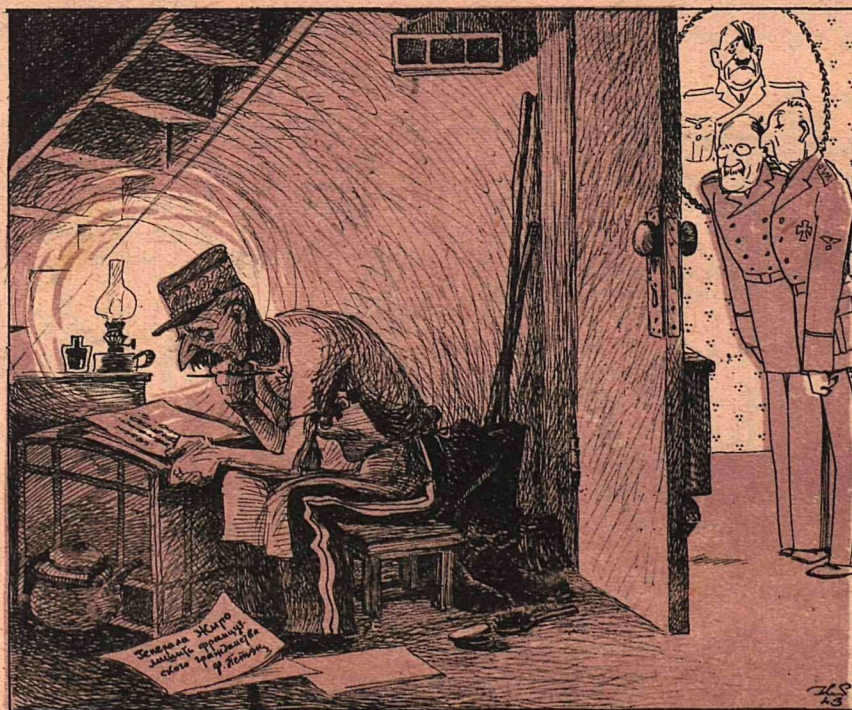
Отто: — Ты, Эдуард, старый солдат. Прошлую зиму воевал в России. Скажи мне, как уберечь себя от обмороживания?

Эдуард: — Попроситься в разведку и... сдать русским.

(«Красный амурец»)

БЕСПОКОЙНАЯ СТАРОСТЬ

Рис. К. Елисеева

ПЕТЭН: — Нелегко мне на старости лет: мотаешься день-деньской с хозяйскими поручениями, а вечером ещё заставляют заниматься государственными делами.

Точь-вточь по Гоголю

Известный связист Фоменко Афанасий Иванович очень любил знаменитого писателя Гоголя Николая Васильевича. То есть, это даже мало сказать: любил, — он просто раз и навсегда подпал под его влияние. Например он постоянно представлял себя одним из героев его произведений. То ему казалось, что он ничуть не хуже кузнеца Вакулы, про которого Гоголь сказал: «Силач и детина хоть куда», — то мечталось ему во всём походить на Остапа, сына тарасова, и уж если придётся умереть, то чтобы, как Остап: и гордо, и смело, и на страх врагам. Однако связисту Фоменко умирать, слава богу, не приходилось ещё ни разу. А жил он славно и как раз, вот именно, на страх врагам.

И в общем всё шло хорошо и так, как надо, но только, товарищи дразнили его иногда Плюшкиным. Вот уж действительно на кого Фоменко никак не старался походить! А если он и усвоил себе привычку подбирать с земли и класть в карман то гвоздик, то верёвочку, так на это у него были свои соображения и он их мотивировал опять-таки по Гоголю:

— ..Верёвочка? Давай верёвочку! И верёвочка в дороге пригодится.

Впрочем, он делал отступления от текста и говорил не «в дороге», а «на войне».

И вот однажды, наладив связь, Фоменко пробрался в своё подразделение и как раз через один овраг, который он называл «закол-

дованное место», потому что, как сказано у Николая Васильевича: «На заколдованном месте никогда не было ничего доброго». А Фоменку в этом овраге даже не особенно давно немножко подразнили. И вот он пробирается, а на себе несёт катушку телефонного провода, и довольно тяжёлую.

«Эх, встретиться мне сейчас, например, чорт, как тому кузнецу Вакуле, — мечтает Фоменко, — нет, не отделался бы он у меня черевичками. Не то время. Сел бы я, безусловно, на него верхом, и вёз бы он меня, сучья лапа, да ещё вместе с моей катушкой».

И Фоменко был совершенно прав, так как, если помните, у Гоголя сказано, что чорт — «опереди совершенно немец».

Вот идёт Фоменко в таких интересных мечтах и вдруг видит: из-под снега торчит какой-то вроде хвостик... И хотя Фоменко только что думал о чорте, но тут он сразу смекнул, что это, безусловно, никаким чортом не пахнет, а попросту валяется не у дел очень приличный телефонный провод. Как это: «Верёвочка? Давай верёвочку!»

Взял он конец и начал мотать. Идёт, и мотает, и мотает, а сам идёт. И уже порядочно витков наматал, и стало ему даже довольно тяжело, когда — что такое непонятное? — заело! Ну, Фоменко моментально — стоп! — и ни с места, замер, так сказать, вплоть до выяснения причин заедания.

Он лежит, и провод лежит, и всё кругом как будто тихо и спокойно: и небо, и овраг, и ёлочки. А вместе с тем, кто его знает? Так, пролежавши довольно долго, он собирается двинуться дальше, но в это самое время провод оживает, немножко дергается и один виток сам собой сползает с катушки.

«Вишь, бесовское обморачивание», — думает Фоменко по привычке цитатой на этот раз из «Пропавшей грамоты», хотя тут ему уже совершенно ясно, что бесы тут не при чём, и, не двигаясь с места, даёт второму витку соскользнуть и распусться, а за ним и третьему. А провод вьётся, шуршит по снегу и бесследно скрывается за сугробом. И так, сведя всю свою работу насмарку, остаётся Фоменко с одним первоначальным хвостиком в руках и держит его крепко. Хвостик нервно дёргается и рвётся за бугорок, но Фоменко держит его мёртвой хваткой, и тогда что же делается? Из-за бугорка поднимается голова...

В одну минуту Фоменко соображает, что это немец, и в одну минуту вспоминает, как в «Сорочинской ярмарке» «страшная свиная рожа выставилась, поводя очами...»

И тут оказалось такое положение: Фоменко уже давно приготовился к какой-нибудь пакости со стороны этого чортова хвостика, а немец как раз не приготовился ни к чему.

И по тому, когда Фоменко, тоже для осторожности, поводя очами, показал немцу на катушку и повелительно повертел рукой: дескать — доматывай! — немец быстренько доматал оставшийся хвостик на свою немецкую катушку и поглядел на Фоменку с вопросом: как, мол, оно дальше?

— А дальше — неси! — говорит Фоменко. — Был бы ты чортом, я и сам бы на тебе верхом поехал, как у Гоголя кузнец Вакула, но поскольку ты хуже чорта, так мне своего достоинства ронять нельзя. Ну, вперёд марш!

Ну, что немец может понимать в Гоголе? Ничего! Но всё равно катушку он нёс до самого подразделения. И когда они пришли и народ стал удивляться: что это за картина? — Фоменко конкретно объяснил:

— Точь-вточь по Гоголю.

В. КАРБОВСКАЯ

Брянский фронт.

Про семейку Шмидт

У папаша Карла Шмидта,
Фабриканта из Тильзита,
Было семеро бандитов —
Семь арийских сыновей,
Всё разбойничьих кровей.
Под Орлом от украинца
Получил взамен гостинца
Отто в брюхо плотный штык —
Был угроблен прусский бык.
От калмыцкого приклада
Курт подох у Сталинграда.
Из-за горца на Дону
С пулей Франц пошёл ко дну.
Русский Гансу дал под
Ржевом —
Своротил башку налево.
Съездил Гельмут на Кавказ —
Кабардинец пулю в глаз.
А под Клетскою ойрот
Нож Роберту сунул в рот.
В Калаче от шашки острой
Фриц бежал с ордою пёстрой,
Но нагнал его узбек —
Шашкой голову отсек.
Так бандитов Карла Шмидта
Наш народ кормил досыта,
Бил их с фланга, бил их в лоб
И загнал семейство в гроб.
Как ни рвутся гансы, фрицы
В землю на зиму зарыться,
Наша пуля всех найдёт,
Фриц от смерти не уйдёт!

А. ФЛИТ

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПЕЙЗАЖИ

Рис. Евгана

Пустыня.

Населённый пункт.

Витамины

Рис. Б. Клинка

В ПЕРВЫЕ Степан Анисимович услышал это таинственное слово от своей старухи. Она провожала его из деревни на вокзал длинной лесной просекой и всю дорогу наставляла:

— Смотри, Анисимыч, не продешеви... Слышишь? А то лучше давай я вместо тебя поеду.

— Я по Серёге соскучился,— возразил старик.— Я не столько мёд интересуюсь продать, сколько Сергуньку увидеть и внуков.

— А то мне не хочется видеть! Давай вместе и поедим, что ли? Честное слово, душой изболеюсь тут, как бы не продешевил... Мёд-то! В нём, окромя сладости, по военному времени ещё и эта есть... как её... итамина!— значительно произнесла она и выжидательно посмотрела на мужа.

— Мелешь, сама не знаешь что...

— Ей богу, люди сказывали. На глаза, Анисимыч, не видать, а их там полным-полно. Самое за них и деньги нынче плотют...

Старик продал в городе мёд, оставив сыну в подарок фунта полтора. Был уже не ранний час, когда он пришёл на квартиру Сергея, старшего своего сына, вот уже два десятка лет живущего в городе, сталеваром на заводе. В доме никого не оказалось. Только двенадцатилетняя внучка Олюшка, курносая и белобрысая девчонка с алой лентой в косичке, встретила деда.

Девочка очень заботливо приняла гостя:

— Картошки, дедушка, желаете? С лучком.

И тут во второй раз за этот день услышал Степан Анисимович про витамины.

— Мы теперь всё с луком кушаем,— сказала девочка,— потому что витамины.

Ближе к ночи вернулась с завода семья — и Сергей, и Варвара, его жена, и все трое ихних подростков, в возрасте от четырнадцати до семнадцати лет: Петька, Николка, Афонька. Ребятишки были в копоти и в масле. Они наперебой рассказывали о своих успехах на заводе.

— Война! — сказал Серёга за чаем, развернув газету и лакомясь деревенским мёдом.— Все нынче воюем, отец: и стар и мал...

— Федя с Западного фронта недавно прислал письмишко, а от Миши с Южного фронта ни слуху, ни духу четвёртый месяц,— со вздохом вспомнил Степан Анисимович про младших сыновей.

Потом Сергей углубился в газету и вслух, громко радуясь новому народному движению в помощь Красной Армии. Сотни тысяч рублей отдавали колхозники из своих сбережений на постройку воздушных эскадрилий и танковых колонн.

— Погоди,— остановил его старик и сам заглянул в газетные полосы.— Где тут?

Он медленно читал, отделяя старательно одно слово от другого.

— Война! — опять повторил сын, вкусно прихлебывая из стакана и облизывая губы в меду.— Каждый воюет, как может и чем может: кровью, трудом, деньгами... А мёд у тебя нынче хорош, очень хорош... Почём продал-то?

— Слушай... Хотел я тебя спросить... Что это такое будет, скажи на милость? Ми... та... Не выговорю. Олюшка,— обратился дед к внучке,— как ты сказала насчёт лучку? Какая, то есть, в нем сила?

— Витамины.

— Вот. Что за штука такая? Насекомая или как?

Сергей объяснил:

— Витамины — это жизнь, папаша, жизненная сила. Без них нет жизни. Понятно?

— Так,— подумав, согласился старик, но и теперь понимал не больше прежнего.

Степан Анисимович снова взял газету из рук сына и долго, внимательно, как бы изучая, всматривался в сообщения о жертвованных колхозников.

Утром семья простилась со стариком.

По предсказанию немецких метеорологов зима в России в этом году будет мягкой.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА: Настолько мягкой, что деревья пустились даже ростки.

— Ну, бывайте здоровы,— сказал ему Сергей, уходя на работу,— кланяйтесь там в деревне.

Степан Анисимович, оставшись вдвоём с внучкой, сказал:

— Так-то, Олюшка, без этих витаминов, значит, того... Ежели у кого, скажем, нет этих самых витаминов, пиши, конченный, мёртвый человек.

— А они всегда есть, дедушка. Факт. Нет луку,— можно черпочку, и ещё лучше даже. А то возьмите морковку, капусту, репу даже... Да мало ли чего...

— Так ведь они то же самое и в человеке должны быть, не в одной же капусте.

— Не знаю, дедушка.

Дома, в деревне, он возбуждённо объявил жене:

— Воюем нынче мы с тобой, старая.

И он объяснил, что вовсе не задешево продал мёд. Какое там! Даже и гадать он не мог, что за мёд можно получить такую цену. Старуха, услышав, почему продан мёд, вмиг подсчитала, сколько выручено денег за эту поездку и какая сумма значит теперь у них на сберегательной книжке.

— У нас пятьдесят три тысячи теперь... Как? — спросила она.

— Было в акурат пятьдесят три,— ответил он.— Да я отправил нынче наши денежки на войну, пускай повоюют за нас, стариков, пускай бьют немцев покрепче. Вот! — сказал он и постукал пальцем по сберегательной книжке.

Она подбежала тогда ближе к нему и заглянула в книжку.

— Вот здесь,— сказал он, хлопнув ладонью по груди, и хотел вспомнить то самое таинственное слово, выражающее собой жизненную силу,— вот здесь, говорю, в самом сердце, кипит, бурлит, действует...

А. ЭРЛИХ

И. ВЕРХОВЦЕВ

Головой об стенку

Б ЕЛЫЙ, как полотно, ворвался в кабинет Геббельса его секретарь.

— В чём дело? — рявкнул, побагровев, Геббельс.

— Осмелюсь доложить, ваше высокофашиство! В районе Среднего Дона большевики отбросили нас на 45—100 километров.

— Ошибаетесь: на 145—200 километров. Дальше?

— В плен к русским попало наших 6 тысяч солдат и офицеров.

— Неправда: не 6, а 56 тысяч. Ещё что?

— При взятии Тацинской большевикам досталось 50 наших самолётов.

— Не лгите! 350 самолётов. 350 и ни одного пфеннига меньше. Всё?

— Пока всё, ваше высокофашиство!

— Врёте! Прибавьте, что мы уступили врагу 812 населённых пунктов, отдали 178 танков, 1927 орудий, 850 миномётов и пр., и пр., и пр. Пляшите, мой друг! Всё идёт по плану, разработанному германским командованием! Так и сообщите по радио! Чудесно! Отлично! Хох-хох! Гип-гип!

Геббельс пустился в пляс. Секретарь выскочил в переднюю.

Но, оставшись наедине, хромоногий дал выход своей ярости и стал биться головой об стенку...

На другой день количество немецких пленных и трофеев, захваченных советскими войсками, ещё больше выросло. Но секретарь об этом своему хозяину не доложил: ему явно жаль было прекрасно отделанных стен гебельсовского кабинета.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д 3-32-50; Д 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 5 час. Подписная цена на журнал—1 р. 60 к. в месяц.

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Москва. Изд. № 72

Подп. к печати 12/1 1943 г.

Статформат 72×105 см.

Печ. л. 1. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

А 18

Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24.

Заказ № 142.

Тираж 135 000

Рис. Б. Фридкина

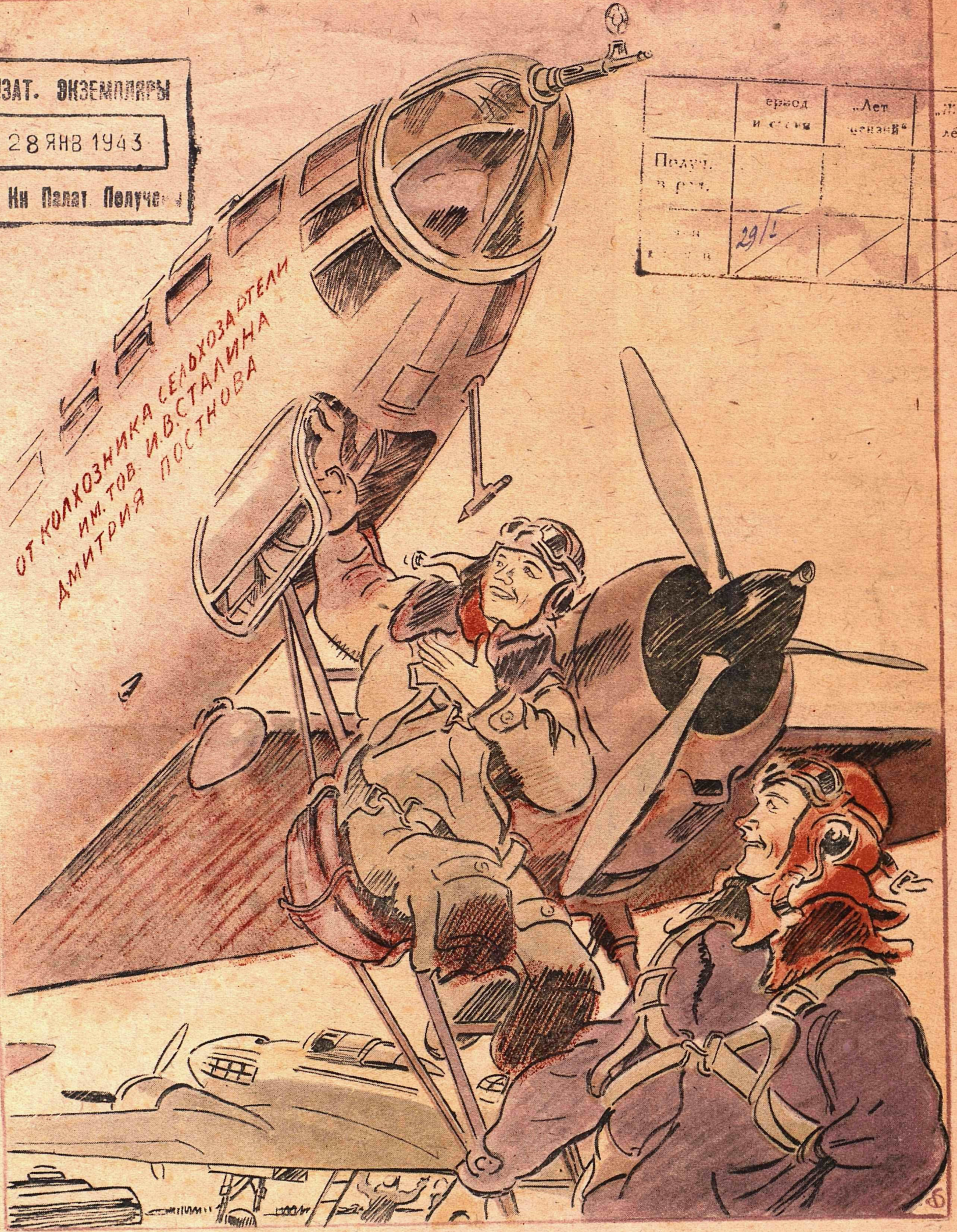
ОБЯЗАТ. ЭКЗЕМПЛЯРЫ

28 ЯНВ 1943

Всес. Ин. Палат. Получе.

	серед и слия	Лет цензур	Литер лет
Подуч. в рол.			
	29/5		

ОТ КОЛХОЗНИКА СЕЛХОЗРАДТЕЛИ
ЯМ. ТОВ. И В. СТАЛИНА
АМИТРИЯ ПОСТНОВА

— На твоё имя пришла индивидуальная посылка от родителей.
— Где она? Давай!
— А вот посмотри!

Зрел